

Что такое «Большой стиль»?

«Большим стилем» с некоторого времени (а именно с сентября 2024 года, когда в Москве прошла Всероссийская научно-практическая конференция литературных критиков и литературоведов «Большой стиль») принято обозначать некий «Большой культурный проект», направленный, — ни больше, ни меньше, — на смену духовно-художественной парадигмы в нашей литературе.

«Большой стиль», по задумке, должен стать инструментом для большого духовного очищения от всего того, что мешает нам двигаться вперед и становиться по настоящему современными: от гнили либерализма, мифов «инклюзивного капитализма», «очарования» эгоцентризма, восприятия литературы как «служанки красоты», от восприятия «литературы как служанки» в принципе.

Большой стиль в таком своем качестве задумывался как большой шанс для патриотически настроенных писателей России, для нашей страны, для нашей цивилизации.

При желании можно сказать, что название «Большой стиль» — неточное, некорректное, неизвестно, что обозначающее. Можно даже сказать — неудачное название, чтобы не сказать плохое.

Однако в гуманитарных дисциплинах давно уже прижился парадокс: чем корявее обозначение — тем оно живучее. Вот попробуйте уяснить суть термина «реализм». Сколько он существует, столько и спорят о его сути. Но сам термин живет и процветает: то он критический, то социалистический, то магический, то сюррреализм, то постреализм, то постпост. Модификациям того, что обозначает неизвестно что, несть числа. И никого это не смущает.

То же самое можно сказать и об «идеологии», например. Или о культуре. Запутаться очень просто, было бы желание.

Или вот известная мантра «Пушкин — это наше всё». Всем известно: обо всем — значит, ни о чем. Наше всё — это что? Про что? О чем речь?

Большой стиль — в этом ряду мегатерминов, значение которых предельно размыто. Все «большое» — это большая мутная вода, где каждый ловит свою рыбку.

Напомню старый анекдот. Сын спрашивает у отца: «Папа, что значит «кони несутся неистово». Неистово — это как?» «Это значит: эге-гей!!!»

Что такое «Большой стиль»? Это значит: эге-гей! Нечто большое, масштабное, эпохальное.

Короче говоря, термин «Большой стиль» явно не теоретик литературы придумал. Кто-то вспомнит в этой связи сталинский Большой стиль, кто-то стиль Людовика XIV, кто-то синтез искусств, кто-то еще что-то «большое».

Как бы то ни было словосочетание «Большой стиль» не воспринимается как глупость или как *lapsuslinguae* (ляпсус лингве, ошибка в речи, оговорка или обмолвка). Напротив, понятие Большой стиль воспринимается весьма конкретно в своей семантической размытости: как некий сигнал, адресованный коллективному бессознательному, как запрос на нечто большое (читай — настоящее, подлинное, в противовес измельчавшему, обветшавшему).

Большой — это про масштаб перемен, про актуальность нового. Главное — это про смыслы, про высокие, большие смыслы, про высшие культурные ценности, такие как истина, добро, красота, свобода, справедливость, любовь, патриотизм, семья и т.п.

Стиль — это маркер литературы. Неважно, что такое стиль; важно, что это про литературу. Как сумму смыслов получаем: даешь обновленную, содержательную литературу, свежих авторов, бурный литпроцесс и шедевры как вишенку на торте.

Большой стиль как понятие или термин — хуже некуда.

Как маркетинг, продукт медиатехнологии и бренд — работает эффективно. Никому ничего не надо объяснять, всем и так все ясно.

Тот случай, когда чем хуже, тем лучше.

Таким образом, «Большой стиль» название, возможно, и некорректное, плохое, но современное и эффективно работающее.

Вот и живите с этим, как говорится.

Время формулировок

Со времени появления нашего понятия Большой стиль прошел год.

Мутная вода слегка отстоялась. Хочется думать, верить и заглядывать в будущее.

Приходит время формулировок.

Неумение формулировать — это бич нашей русской гуманитарной культуры, ее откровенно слабое место, ее ахиллесова пята, которая выставляется на обозрение нашим противникам (сиречь врагам, вчерашним «партнерам»). Мы, так сказать, сверкаем пятками — сдаем позиции на культурном фронте, возможно, сами того не понимая.

Давайте по порядку. «Уточняйте значения слов — и вы избавите мир от половины заблуждений» (формула Декарта). От второй половины заблуждений избавит, по нашей версии, наука и искусство формулировать, то есть уточнять значения концептуальных определений.

Что значит формулировать?

Представлять научно (по крайней мере, разумно) обоснованное умозаключение в словесной форме, которое объективно и адекватно отражает сущность познаваемого предмета (явления, процесса). Гарантией объективности выступает возможность проследить логику возникновения формулировки.

Постараемся осознать важные вещи не в формате «Эге-гей», не в формате наитий и интуиций, а в формате формулировок. Что нам стало ясно и что можно сформулировать по прошествии года?

«Большой стиль» (употребляю это словосочетание уже не как скользкий термин, а как бренд, давайте польстим себе) порождает большие запросы. Литературный процесс — это большой мутный (не прозрачный) поток, в котором есть все или почти все. «Большой стиль» начинает диктовать свои правила, которые я попытаюсь представить как систему запросов.

ПЕРВОЕ. Запрос на квалифицированную аналитику.

Большому стилю необходима «большая аналитика» как информационно-аналитическая поддержка. В переводе на литературный русский это означает: большая литература (в нашем конкретном случае) начинается не с литературы, а с литературоведения и критики.

На всякий случай оговорюсь. Я не претендую на статус, позволяющий рассылать свои императивы «граду и миру». Я просто верю в то, что говорю, и весь мой профессиональный опыт свидетельствует: думать надо головой. Все начинается с головы. С аналитики.

Дело не в том, что я литературовед и по долгу службы нахваливаю свое болото или свою культурную делянку. Дело в том, что сегодня литературоведение *defacto* является головой литературного процесса.

Да, еще вчера, еще каких-нибудь сто-двести лет тому назад, это было не так, а сегодня именно так.

Да, рыба гниет с головы — но если «организм» живет и процветает, то благодаря голове. Голова, то есть средоточие аналитики, — тонкое звено. Тонкое — значит, слабое. Где тонко, там и рвется: все так.

Но и вся сила — в тонкости. В нюансах, если угодно.

В частности, такой нюанс. В моем понимании критика не является носителем истины. Более того, критика не про то, что критик понимает больше писателя, видит дальше и глубже. Критика — это система ориентации: критик умеет определять критически важные для нашей литературы дискуссионные зоны, «озоновые дыры» и «силовые поля» нашей литературы и культуры.

ВТОРОЕ. Запрос на идеологию.

Поскольку большая литература связана с управлением большими смыслами, для выражения которых нужен большой стиль, мы ищем эти большие смыслы в жизни.

Потребность в больших смыслах — в ценностных ориентациях — называется *потребность в идеологии*.

Идеология — это *учение о вере в идеи* (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

Существует запрос на большую идеологию, которая формируется в том числе — и прежде всего — литературой. Пресловутый социальный заказ — всегда большой шанс для литературы. Большой стиль не может существовать без большой идеологии.

Да, конечно, мы живем в интересную эпоху — во время СВО, во время войны между великой Россией и большим (коллективным) Западом. Не хочется говорить «в преддверии очередной мировой», но все понимают, о чем я. Да, СВО — это совокупность точек кипения, точек роста, протяженное место силы и кузня Победы. Все так. Однако не СВО рождает идеологию; наши воины на СВО парадоксальным образом ее демонстрируют, а литература должна уловить и воплотить эти тонкие идеологические настройки.

Литература — феномен идеологии, имеющий отношение не к производству идей, а к технологии их передачи. Литература — это не «фабрика идей», а «фабрика превращения идей в образы». Литература специализируется не на производстве идей, а на переводе идей в обра-

зы, на переводе языка понимания на язык веры (язык чувств), хотя при этом кажется, что именно литература является «фабрикой идей». Это обман наивной культурной оптики. Литература не производит идеи, она заставляет в них верить. Дайте литературе идеи — и она заставит в них поверить. Если негде брать идеи, литература начинает производить их сама, то есть заниматься не своим делом.

Сошлюсь на свой опыт. Я написал научно-популярную книгу «Как России создать свою идеологию. Вызовы. Возможности. Путь к успеху». В одной из версий она опубликована на сайте РП им. Николая Дорошенко. В книге исследуется круг вопросов, которые помогают осмыслить феномен идеологии с целью понять, что такое идеология, нужна ли России идеология, зачем России нужна идеология, какая идеология нужна России, что надо делать для того, чтобы у России появилась нужная ей идеология, и что может сделать нужную России идеологию максимально эффективной. Ответы на эти вопросы вплотную приближают нас к решению проблемы как России создать свою идеологию.

Вроде бы, все правильно. И что в результате?

А ничего. Моя книга, будучи «фабрикой идей», является неэффективным способом распространения идеологии «в массы». Пока к делу не подключится литература, «фабрика превращения идей в образы, которые заставляют верить в правоту идей», дело идеологического строительства будет буксовать.

Запрос на идеологию в нашем случае — это запрос на идеологически ориентированные литературу, литературную критику и литературоведение. Запрос не столько на производство идеологии, сколько на трансляцию тех ценностей, которые нас объединяют. У нас нет выбора. Идеи — вера в идеи — Победа. Если мы по каким-то причинам будем не заинтересованы производить идеи, их будет производить кто-то другой. Известно, кто.

ТРЕТЬЕ. Запрос на корни и кроны

Всем хочется всего и сразу — здоровых корней, толстых стволов и вкусных плодов (сиречь шедевров).

Скажу, возможно, спорную и не очень популярную вещь: шедевры надо выращивать. Литература все отчетливее принимает очертания большого культурного проекта. Сегодня все работает в формате проектов, нравится нам это или нет. Возможно, еще вчера это было не так; сегодня уже именно так.

Корни — это литературоведение, литературное образование.

Кроны — шедевры.

Как «Большой стиль» влияет на литературное образование?

Пока никак. И это плохо.

Зажигать звезду — это одно (здесь речь о манипуляциях медиатехнологий), а выращивать — совсем другое (здесь мы говорим про состояние, про *status quo* культуры).

Нам нужен гумус (от лат. *humus* — «земля, почва»). В буквальном смысле гумус — основное органическое вещество почвы, содержащее питательные вещества, необходимые высшим растениям.

Творческая среда — это своего рода гумус, тонкий культурный плодородный слой, без которого невозможно появление «высших растений» — литературных гениев.

Подчеркнем: тонкий, но плодородный. К сожалению, тонкий. Требующий грамотной и тщательной культивации.

Вот Пушкин — гений, но его появление вне гумуса (вне уровня и качества русской и современной ему мировой культуры) было бы попросту невозможным. В гумусе содержатся все элементы мировой культуры.

Мой ключевой тезис таков: СП — это, в идеале, идеальное место для культивирования гумуса. Возможно, каким-то странам или цивилизациям Союз писателей как инструмент культуры не нужен. Нам, я убежден, нужен.

Только не следует упрощать суть дела — не следует считать, что достаточно собрать в одном месте «творческих» (пишущих и иногда печатающихся) людей, решивших, что они ухватили Бога за бороду, — вот тебе и образовался гумус. Все гораздо сложнее. Гумус — это сказ про качество, а не про количество.

Предлагаю свой вариант поддержки творческого тонуса в гумусе (в рамках СП) как реального культурного проекта в четырех тезисах.

Тезис первый. *Без творческой среды («гумуса») невозможно появление крупных творческих фигур («высших растений») и шедевров.*

Литературная одаренность — это первое и решающее условие, при котором начинается разговор о литературе. Однако одной природной литературной одаренности недостаточно, чтобы раскрыть свой талант; необходима творческая среда. Что конкретно позволяет формировать среда? Какие качества и компетенции?

1. Личность (Картину мира, Идеологию).
2. Литературное мастерство, которое я понимаю как искусство создавать стиль.

СП создается не для того, чтобы объединить пишущих (это задача под графоманов); он создается для того, чтобы дать возможность раскрыться таланту, чтобы создать гумус, поддерживать его, холить и лелеять. Если эта цель не достигается, то смысл существования СП утрачивается.

Тезис второй. Из первого тезиса следует: главная проблема любого СП — *это нейтрализация чрезмерной активности графоманов («писателей», «поэтов», «критиков», «эссеистов» — словом, всей околосредовой братии).* Понятно, что от этих литературных деятелей не избавишься радикально: свято место пусто не бывает, есть творческое тело — найдутся и «паразиты». Но критическая масса «графоманов-паразитов» — это критически важная проблема для СП. Когда их слишком много — гумус перестает быть гумусом. Или гумус — или пустыня. Это надо осознать.

Следовательно, механизм выбраковки посредственностей становится для жизнедеятельности гумуса критически важной проблемой. Как графоманы появляются в СП? Откуда они берутся? Их не сеют, они сами рождаются, что ли?

Их туда, в СП, принимают. Можно сказать, завлекают. При этом заносят вирус паразитизма в смертельно опасных дозах. Кто, спрашивается, принимает? Да мы и принимаем-с. Вот это узкое место может стать широким полем деятельности для писательского менеджмента.

Возможно, сегодняшний масштаб СП и функции «гумуса» совмещаются плохо. Сколько надо членов СП для великой литературной державы? Я не готов ответить на этот вопрос. Есть разумные пределы количества, которое определяет качество. Условно говоря, десять-

пятнадцать тысяч писателей и поэтов — это распыление, энтропия и верная смерть для гумуса; меньше двух-трех тысяч — гумус так и не появится. Тут надо семь раз подумать. Лучше меньше, да лучше: этот принцип никто не отменял.

Лучше меньше, но с запасом: это еще лучше.

Тезис третий. *Хочешь иметь качественный гумус — настраивай работу критики и — шире — литературной аналитики.*

Главный механизм выбраковки графоманов-посредственностей — работа критики. Это то звено, с которого следует начинать окучивать гумус. Главное для института критики не «критиковать», то есть разносить в пух и прах какого-нибудь бездаря, размахивая мечами харалужными; зачем тратить время и творческий ресурс, отработывая повестку графоманов? Графоманов надо в упор не замечать (как правило): это наиболее эффективное к ним отношение.

Невнимание к тому, что внимания не заслуживает, — один из самых важных инструментов критики, которым следует умело пользоваться. Любой, даже самый убийственный разбор графоманских опусов, только им на пользу. Черный пиар — лучший пиар, как известно.

Молчание критики — лучший ответ посредственностям. Но молчание воспринимается как молчание только тогда, когда слышен голос в защиту таланта. Главное — разглядеть талант, открыть его, выставить на обозрение творческой среды. Сделать составляющей гумуса. Критика — это про животворящие и целебные свойства почвы, а не про убийственные свойства песка.

Обсуждать следует только то, что интересно личности. Внимание к тому, что внимания заслуживает, — также важнейший инструмент критики.

В этом смысле, конечно, свою позитивную роль должны сыграть литературные журналы с грамотными редакторами-экспертами.

Журнал — это трибуна, площадка. Запрос на журнал — это запрос на регулярную и системную диагностику.

Тезис четвертый. *Необходимо создавать такой творческий климат, в котором быть гумусом — почетно и ответственно.*

Как известно, посредственность копирует, талант заимствует, а гений — крадет. Так или иначе все они питаются соками гумуса.

Еще раз, давайте задумаемся: без гумуса гений не расцветет. Гений, как и посредственность, нуждается в гумусе, только в отличие от графоманов гений возвращает гумусу культурную энергетику с лихвой. Русская почва и культура взрастили Пушкина; а сегодня мы, подпитываясь энергией пушкинских идеалов, творим благодаря ему.

Иными словами, Пушкин для нас выступает в роли гумуса. Связь гумуса (культурной почвы) и высших растений (писателей и поэтов) всегда осуществляется как взаимодействие. Долг платежом красен, между прочим, означает: не будет никакого платежа, если нет возможности взять в долг.

А культура прирастает платежом.

Гумус — это культурный статус, а не «навоз». Носиться с собой, как с писаной торбой, почитая всех остальных удобрением для «моего поэтического величества», — это классика ком-

плекса неполноценности. Неуверенность в себе (страх) рождает эгоцентризм. Не уважать гумус — не уважать себя, свою литературу, Пушкина и наше будущее.

Хочешь быть непризнанным гением, хочешь быть вне гумуса? Быть сам по себе? Живи и твори вне Союза писателей. Это не запрещено.

В конце концов, кто гумус, кто гений, кто больше в долгу перед гумусом — решит время. А пока что каждый талант имеет право и обязанность гордиться тем, что он причастен к созданию гумуса, питательного вещества нашей великой литературы и культуры.

Сообщество творческих людей не терпит «порожняк» — не терпит лжи и бездарности. Быть яркой творческой индивидуальностью можно только в гумусе. При этом гумус не только не угрожает звездам разной величины — он эти звезды зажигает.

Если они кому-нибудь еще нужны, разумеется.

По большому счету, состояние гумуса настолько важно для нашей цивилизации, что это, безусловно, государственное дело. И тема «государство и гумус» не ограничивается сферой литературы. Гумус в широком смысле — это плодородный слой нашей культуры (гуманитарной и негуманитарной): философии, педагогики, психологии, политологии, музыки, театра, кино, архитектуры, науки. Везде есть свои сорняки — графоманы и попсовики-затейники, популисты. Состояние гумуса — показатель здоровья нашей цивилизации. Ключевое слово, определяющее состояние гумуса, — ИДЕОЛОГИЯ, о чем я уже говорил. Ответственность за состояние гумуса должно нести государство.

То есть — мы. Numus sum et nihil humanum a me alienum puto.

Хочется надеяться, что работа по объединению здоровых сил под эгидой СПР, является работой по культивированию гумуса.

ЧЕТВЕРТОЕ. Запрос на консенсус

Формулирую: *надо уметь договариваться* — надо уметь поступаться личным во имя общего.

Мы великая культурная держава, за нами великая литература, которая исчезнет, если у нас не будет великого будущего. Да, у каждого из нас есть право быть либералом или консерваторм, «красным» или «белым», православным или мусульманином, верующим или атеистом. При этом быть «коричневым» (фашистом) нет права ни у кого. Это результат договоренности. Ни у кого нет права разрушать нашу литературу, вредить ей. Это по умолчанию — то есть тоже результат договоренности.

Надо уметь договариваться. Надо вовремя зачехлять меч. Надо всегда предлагать позитивную программу. Это решающее условие, без которого все наши запросы (идеология, гумус) останутся благими пожеланиям, закрепленными только на бумаге.

«Большой стиль» в формате больших запросов превращается в понятие конкретное, осязаемое, дискуссионное. Живое.

Что и требовалось доказать.